

русскихъ классиковъ. Выпускъ I.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

ВОЙНА И МИРЪ.

(Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ).

Составилъ М. П. Н.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина **Н. О. Стрчилова.**

Фонтанка, № 108.

1907

Книжный магазинъ Н. О. СТРЕЧИЛОВА.

С.-Петербургъ, Фонтанка 108.

Собственныя изданія и книги въ большомъ количествѣ на складѣ:

Пособія по математикѣ:

Давыдовъ, Н. И. 200 наиболѣ трудныхъ задачъ и вопросовъ, предлагаемыхъ по алгебрѣ на конкурсныхъ экзаменахъ, поступлен. въ высш. спец. учебн. завед. Ц. 1 р. 25 к.

Доброгаевъ, Н. И. Рѣшенія алгебраическихъ задачъ. Н. А. Шалопникова и Н. К. Вальцева. Ч. I. Вып. I. Ц. 80 к. и ч. I вып. II Ц. 1 р. Ч. II вып. II Ц. 1 р. Вып. III Ц. 1 р. и вып. IV Ц. 1 р. 20 к.

Вроблевскій, В. Рѣшенія задачъ элементарной геометріи А. Киселева. Ц. 75 к.

Козакъ. Собраніе формулъ по алгебрѣ, по геометріи и тригонометріи, необходимое пособие для средн. учебн. завед. Ц. 25 к.

Козловскій, С. А. Рѣшенія аримет. задачъ В. Арбузова, В. Минина и Д. Назарова. Ц. 70 к.

Его-же. Рѣшенія аримет. задачъ (съ 1—1313) И. П. Верещагина. Ч. I. Ц. 1 р.

Его-же. Рѣшенія аримет. задачъ (1314—2521) И. П. Верещагина. Ч. II. Ц. 80 к.

Его-же. Рѣшенія аримет. задачъ (2522—3045) И. П. Верещагина. Ч. III. Ц. 1 р.

Его-же. Рѣшенія аримет. задачъ (3046—3177) И. П. Верещагина. Ч. III. Вып. II. Ц. 40 к.

Его-же. Рѣшенія аримет. задачъ (3178—3374) И. П. Верещагина. Ч. III. Вып. III. Ц. 80 к.

Его-же. Рѣшенія аримет. задачъ (1—1372) А. Малинина и К. Буренина. Ч. I. Ц. 1 р.

Его-же. Рѣшенія арифметическихъ задачъ (1373—2890) А. Малинина и К. Буренина. Ч. II. Ц. 1 р.

Разборъ русскихъ классиковъ. Выпускъ I.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

ВОЙНА и МИРЪ.

(Характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ).

Составилъ М. П. Н.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Я. Балянского, Загородн. пр. 74, прот. Техн. Инст.

Вышедшій въ 1869 году большой романъ Л. Толстого «Война и Миръ» является яркой иллюстраціей пустоты великосвѣтской жизни и нравовъ и величія простого русскаго народа, который «чувствуетъ правду жизни непосредственно и поступаетъ правильно безъ размышленія».

Народъ—герой романа, и выразителемъ его является Платонъ Каратаевъ. Сознать въ себѣ народный духъ, слиться съ его массой—это доступное и достижимое человѣческое счастье. Платону Каратаеву оно достается сразу, органически. Интеллигенту же во имя этого растительнаго счастья нужно страдать, искать, терпѣть. Такъ искалъ и страдалъ Пьеръ Безуховъ. Человѣкъ не значить ничего—вотъ выводъ изъ романа Толстого. Надо отречься отъ анализа и жить, «удовлетворяя свои естественныя потребности».

Романъ «Война и Миръ» представляетъ изъ себя рядъ разнообразныхъ характеровъ, мужскихъ и женскихъ, старыхъ и молодыхъ. Особенно богатъ выборъ молодыхъ мужскихъ характеровъ.

Центральное лицо Пьеръ Безуховъ, затѣмъ: Андрей Болконскій, Наташа Ростова, Николай Ростовъ, княжна Марья, Борисъ Друбецкой, Платонъ Каратаевъ.

Пьеръ Безуховъ.

Пьеръ Безуховъ, по идеѣ Л. Толстого, олицетворяетъ собою исторію индивидуальнаго развитія постепенно прозрѣвающаго человѣка, нашедшаго, наконецъ, откровеніе и правду жизни.

Пьеръ Безуховъ, незаконный сынъ знаменитаго екатерининскаго вельможи, графа Безухова, воспитывался за границей и вернулся въ Москву для выбора карьеры.

Умный, наблюдательный и естественный взглядъ отличалъ его наружно отъ другихъ людей. Его массивная толстая фигура, стриженная голова производили комическое впечатлѣніе. Непосредственность, полное неумѣніе скрывать свои чувства, отсутствіе свѣтскаго лоска дѣлали его въ обществѣ невыносимымъ. Простодушно и горячо, искренно и оживленно разговаривалъ онъ, когда бесѣда касалась какой-нибудь его любимой идеи, и терялся совершенно при изъявленіи условностей. Толстый, необыкновенно высокаго роста, онъ не умѣлъ войти въ гостиную и еще менѣе умѣлъ изъ нея выйти, т.-е. передъ выходомъ сказать что-нибудь, хотя и избитое, но необходимое въ обще-принятомъ смыслѣ.

Разсѣянность его была положительно анекдотична. Однажды, напримѣръ, онъ схватилъ вмѣсто своей

шляпы генеральскую треуголку съ плюмажемъ и, разговаривая, теребилъ его; но вся эта разсѣянность, неумѣніе войти въ гостиную и держать себя въ ней скрашивалось выраженіемъ простодушія, доброты и скромности.

Пьеръ съ десяти лѣтъ былъ посланъ за границу, гдѣ и пробылъ до 20 лѣтъ. Когда онъ вернулся въ Москву, отецъ сказалъ ему:

«Выбирай себя карьеру, я тебя не стѣсняю выборомъ».

Пьеръ уѣхалъ въ Петербургъ, ничего не дѣлалъ и ни на чемъ не могъ остановить своего выбора.

Быть военнымъ онъ могъ только въ томъ случаѣ, если бы война велась за свободу, но помогать «Англіи и Австріи воевать съ величайшимъ человѣкомъ въ мірѣ—Наполеономъ—не хорошо».

Дипломатія ни въ коемъ случаѣ не могла найти въ немъ сторонника, въ человѣкѣ, который ничего не можетъ скрыть и даже не всегда хорошо разбирается въ окружающемъ; живя чувствами, при томъ еще слишкомъ возвышенными, Пьеръ не могъ быть дипломатомъ.

Способность предаваться философскимъ мечтаніямъ была сильно развита, у Пьера Безухова.

Кутежи и гусарство, исканіе глубокаго смысла жизни—все удивительно уживалось въ немъ. Понимая все бессмысліе подобнаго существованія, Пьеръ не разъ давалъ слово прекратить его, но тотчасъ же, какъ это всегда бываетъ съ людьми безхарактерными, ему страстно хотѣлось снова испытать эту столь знакомую ему, безпутную жизнь. Данное слово уже казалось ему ничего незначащимъ. «Всѣ честныя слова, вообще, условная вещь, не имѣющая ни-

какого опредѣленнаго смысла, если принять во вниманія, что, можетъ быть, онъ не сегодня-завтра умретъ и тогда не будетъ уже ни честнаго, ни благороднаго». Подобныя разсужденія убѣждали его жить попрежнему и даже не мѣшали выкидывать разныя выходки, въ родѣ привязыванія квартальнаго къ спинѣ медвѣдя, за что онъ и былъ высланъ въ Москву.

Когда послѣ этой исторіи онъ появлялся въ какой-нибудь гостиной, всѣ удивлялись, какъ могъ такой скромникъ и тюфякъ выкинуть подобную штуку съ квартальнымъ.

Родственники Пьера очень недоброжелательно относились къ нему, какъ къ одному изъ главныхъ наслѣдниковъ графа Безухова, и принимали всевозможныя мѣры, чтобы отодвинуть его на задній планъ.

Погруженный въ свои мечтанія, Пьеръ мало заботился о соблюденіи своихъ матеріальныхъ интересовъ, и если бы не княгиня Анна Михайловна (которая, питая надежду получить что-нибудь отъ Пьера для своего сына, усиленно хлопотала, чтобы родственники графа не воспользовались простотой Пьера), то едва ли онъ въ послѣдствіи оказался бы богачомъ.

Получивъ наслѣдство и титулъ графа Безухова Пьеръ, послѣ недавняго одиночества и бездѣятельности, вдругъ почувствовалъ себя занятымъ до такой степени, что ему только въ кровати удавалось оставаться наединѣ съ собою. Отношеніе къ нему окружающихъ круто перемѣнилось, и тѣ, кто раньше пренебрегали имъ, стали заискивать, находить въ немъ и умъ, и тактъ, и доброту и повторяли это такъ часто, что Пьеръ самъ повѣрилъ этому, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души никогда не сомнѣвался ни въ своемъ умѣ, ни въ добротѣ.

Общая любовь и вниманіе казались ему вполне понятными. Ему было некогда вдумываться въ самую суть, онъ чувствовалъ себя центромъ, человѣкомъ, отъ котораго чего-то ждутъ. Онъ дѣлалъ все, что требовали отъ него. Болѣе всѣхъ имъ овладѣлъ князь Василій. Онъ положительно не давалъ самостоятельно шагнуть ему. Не спрашивая мнѣнія Пьера, онъ зачислилъ его въ дипломатическій корпусъ и слѣлалъ камеръ-юнкеромъ. Все это было сдѣлано съ такою увѣренностью, съ такимъ апломбомъ, что Пьеру даже не являлось возможности возражать.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пьеръ былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Общая любовь и здѣсь окружила его. Большую часть времени онъ проводилъ у князя Василя, въ обществѣ его красавицы - дочери, которая еще въ первый пріѣздъ поразила его своей величественностью и красотой. При болѣе близкомъ знакомствѣ Пьеръ охладѣлъ къ этой красотѣ, не согрѣтой ни сердечной теплотой, ни умомъ. «Она глупа», — не разъ рѣшалъ Пьеръ, но порою физическія прелести этой дѣвушки туманили его, и обладать ею ему казалось необходимымъ и желательнымъ.

Въ обществѣ уже давно рѣшили, что Пьеръ женится на Эллень. Пьеръ сознавалъ, что въ его отношеніи къ Эллень есть что-то нехорошее, запрещенное, хотѣлъ бѣжать отъ этого, приходилъ въ ужасъ отъ намековъ князя Василя, и въ то же время обаятельный образъ всплывалъ передъ нимъ и лишалъ его рѣшимости. Можетъ быть, въ концѣ концовъ, онъ и рѣшился бы, но князь Василій велъ на него самую правильную и упорную атаку. Пьеръ зналъ, чего отъ него ждутъ, и чувствовалъ, что рано или поздно онъ это сдѣ-

лаетъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые рѣшительны только тогда, когда чувствуютъ себя вполнѣ чистыми. Здѣсь же онъ считалъ себя виноватымъ.

Въ немъ боролись два желанія: обладать Эленъ и бѣжать отъ нея.

Трудно угадать, какъ долго длилась бы эта душевная агонія, но князь Василій со своею предприимчивостью положилъ конецъ его колебаніямъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ, не вдаваясь въ подробности, обнялъ его и благословилъ Эленъ. Пьеръ не удивился и не протестовалъ.

Оставшись послѣ этого наединѣ съ Эленъ, онъ чувствовалъ полное отсутствіе любви къ ней, и когда сказалъ: «я люблю васъ», то самъ созналъ всю деревянность своихъ словъ и устыдился.

Такъ онъ сдѣлался «счастливымъ» обладателемъ красавицы Эленъ. Счастливое обладаніе длилось недолго. Скоро намеки родственниковъ дали понять Пьеру, что его жена недолго чтитъ святость его семейнаго очага. Молва указывала на бывшаго пріятеля Пьера, Долохова. Пьеръ, хотя и не вѣрилъ вполнѣ намекамъ, но не строилъ себѣ иллюзій на этотъ счетъ. Наглое отношеніе къ нему Долохова, его вызывающій тостъ на обѣдѣ у Ростовыхъ: «за красивыхъ женщинъ и ихъ любовниковъ» вывели Пьера изъ себя, и онъ вызвалъ его на дуэль тутъ же, на обѣдѣ. Скандаль вышелъ громкій. На другой день они дрались. Пьеръ имѣлъ видъ человѣка думающаго о чемъ-то другомъ, ничего не имѣющемъ общаго съ происходившимъ. Онъ признавалъ виновность жены и не считалъ Долохова отвѣтственнымъ за ея порочность. Съ какой стати Долохову оберегать честь Пьера? «Можетъ быть, я то же самое сдѣлалъ бы на его мѣстѣ»,—думаетъ

Пьеръ:—«къ чему же эта дуэль? Уйти отсюда, бѣжать»,—приходило ему въ голову, но, разсуждая такимъ образомъ, Пьеръ спокойно спрашивалъ секундантовъ: «Что, скоро? Готово? Можно начинать?» Не умѣя стрѣлять, онъ разспрашивалъ, какъ спускать курокъ и т. д. Послѣ предложенія секундантовъ стрѣлять Пьеръ, мѣтясь, больше всего боялся застрѣлить себя. Никакихъ враждебныхъ чувствъ онъ уже не питалъ къ Долохову. Послѣ выстрѣла, который ранилъ противника, Пьеръ съ рыданіемъ подбѣжалъ къ Долохову. Но послѣдній крикнулъ: «къ барьеру!» и Пьеръ въ 10 шагахъ отъ него остановился. Съ растерянной улыбкой, Пьеръ, безъ прикрытія, ожидалъ выстрѣла и когда его противникъ промахнулся, схватился за голову и, бормоча: «Глупо!... Смерть... Ложь», ушелъ въ лѣсъ.

По возвращеніи съ дуэли жена пришла дѣлать ему выговоръ за нее. Циничность этой женщины убила Пьера. Онъ молча глядѣлъ на свою жену, и, когда наглость ея дошла уже до апогея, порока отца сказала въ немъ. Схвативъ мраморную доску со стола, онъ замахнулся на нее. И Богъ знаетъ, что сдѣлалъ бы Пьеръ, если бы Эллень въ-время не убѣжала отъ него. Пьеръ разстался съ женой и отдалъ ей половину своего состоянія.

Снова философскія мечтанія—исканіе глубокаго смысла жизни, смерти, желаніе понять, какая сила управляетъ міромъ—завладѣли имъ.

Онъ не находилъ отвѣта на подобные вопросы, кромѣ развѣ одного: умрешь—все кончится, умрешь—все узнаешь или, по крайней мѣрѣ, перестанешь спрашивать. Но смерть пугала Пьера.

Неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилось душевное и

умственное напряженіе Пьера, если бы онъ не встрѣтился въ дорогѣ съ однимъ изъ членовъ масонской ложи, который, видимо, былъ хорошо освѣдомленъ о семейномъ несчастьи Пьера. Во имя «братства и любви» масонъ протягиваетъ руку помощи Пьеру. Пьеръ въ отвѣтъ на это указываетъ масону на разницу ихъ міросозерцанія. Но масонъ называетъ образъ мыслей Пьера общимъ и даже говоритъ, что это «плодъ гордости, лѣни и невѣжества».

Все болѣе и болѣе поражая своею твердостью и опредѣленностью мысли, масонъ объясняетъ Пьеру, что «никто не можетъ постичь истины, что общее *невпріе* есть источникъ несчастій, что Богъ — въ человѣкѣ, въ словахъ и даже въ такихъ кощунствующихъ словахъ, какъ твои»,—добавляетъ масонъ въ отвѣтъ на признаніе Пьера, что онъ не вѣритъ въ Бога.

Долго длились убѣжденія масона, и Пьеръ, съ замيرانіемъ сердца, слушалъ его, не перебивавъ, не спрашивавъ, а всей душой впитывавъ въ себя это новое ученіе. Онъ испытывалъ чувство радостнаго успокоенія, обновленія и возвращенія къ бытію, «Богъ не постигается умомъ, а постигается жизнью»,—докончилъ масонъ свою бесѣду и на послѣдокъ далъ совѣтъ Пьеру, просившему не покидать его.

подавая письмо къ графу Вилларскому (тоже масону), масонъ сказалъ: «пріѣдете въ столицу, уединитесь, вдумайтесь въ себя и не вступайте на прежніе пути жизни».

Послѣ отъѣзда своего случайнаго собесѣдника Пьеръ вспоминалъ свое порочное прошлое и съ восторгомъ представлялъ себѣ свѣтлое будущее. Въ душѣ его не оставалось ни слѣда прежнихъ сомнѣній. Онъ вѣрилъ въ братство, любовь людей, соединенныхъ для взаимной поддержки.

Вскорѣ по прїѣздѣ въ столицу къ Пьеру явился графъ Вилларскій и предложилъ ему свое поручительство для вступленія въ масонскую ложу, предварительно спросивъ у него, вѣритъ ли онъ въ Бога. Получивъ утвердительный отвѣтъ Пьера, графъ повезъ его для представленія членамъ масонства и посвященія.

Такъ Пьеръ сдѣлался масономъ.

По совѣту братства, Пьеръ рѣшилъ уѣхать въ свои южныя имѣнія и тамъ заняться судьбою крестьянъ. Разрывъ его съ женою вызвалъ массу толковъ. Князь Василій пытался объясниться съ Пьеромъ, который такъ привыкъ повиноваться самоувѣренному тону своего beau рег'а, что и теперь чувствовалъ нѣкоторое колебаніе.

Онъ сознавалъ, что рѣшеніе, которое онъ приметъ, отразится на всей его судьбѣ: пойдетъ ли онъ старой дорогой, или вступить въ новую эру существованія, которую ему указываютъ масоны и которая, какъ онъ этому вѣрилъ, приведетъ его на путь обновленія.

Желаніе возродиться дало рѣшимость Пьеру, и онъ попросилъ князя Василія оставить его.

Черезъ недѣлю Пьеръ, пожертвовавъ масонамъ крупную сумму для милостыни, уѣхалъ въ свои имѣнія. Масоны обѣщали писать ему и руководить имъ.

Прїѣхавъ въ свои имѣнія, молодой графъ прежде всего рѣшилъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, о чемъ и объявилъ своему управляющему, который выразилъ большое сочувствіе намѣреніямъ своего патрона, но довелъ до его свѣдѣнія, что, прежде всѣхъ преобразованій, нужно позаботиться о своихъ дѣлахъ, которыя очень и очень запутаны.

Итакъ, первымъ неотложнымъ дѣломъ было то, къ которому онъ всего менѣе былъ расположенъ, а именно — усиленное занятіе своими имѣніями. Необходимо было платить долги и предпринимать новыя работы силами тѣхъ крѣпостныхъ, которыхъ Пьеръ хотѣлъ освободить, что являлось невозможнымъ, такъ какъ крестьянъ можно было освободить только при условіи уплаты долга въ опекунскій свѣтъ.

Все это запутывало Пьера; онъ не отличался той практической сметкой, которая дала бы ему возможность самостоятельно приняться за дѣло, а потому онъ не любилъ его и старался не думать о немъ и оттянуть.

Тутъ кстати подвернулись развлечения. Всѣ наперерывъ приглашали къ себѣ перваго богача губерніи, и Пьеръ снова закрутился въ вихрь страстей.

Вмѣсто новой жизни—старая заявила свои права.

Графъ сознавалъ, что онъ не исполняетъ завѣты масонства: не ведетъ нравственнаго образа жизни и изъ семи необходимыхъ добродѣтелей не имѣетъ добронравія и любви къ смерти. Онъ утѣшалъ себя сознаніемъ, что имѣетъ другія достоинства: любить ближняго и щедро помогаетъ ему.

Проживъ нѣкоторое время въ своемъ главномъ имѣніи, Пьеръ рѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, но предварительно хотѣлъ объѣхать всѣ свои помѣстья и лично убѣдиться, все ли сдѣлано по его приказанію, т.-е. выстроены ли школы, больницы,—словомъ, все ли сдѣлано для облегченія бѣднаго крѣпостного народа, вѣреннаго ему Богомъ.

Главный управляющій, хорошо раскусившій своего барина, распорядился первоначальными постройками

школь, больницъ для возможнаго прїѣзда его, а также устроить ему благодарственныя встрѣчи, которыя должны были обмануть его. Такъ это и случилось. Видъ благоустройства, довольныя лица, благодарственныя депутаціи—все это вызвало радостно-удовлетворенное чувство у него. Пьеръ не входилъ въ глубину вещей и результатъ кажущійся принималъ за истину. Онъ былъ восхищенъ всѣмъ видѣннымъ и радостно извѣстилъ о немъ своего брата-наставника, какъ онъ величалъ масона.

«Какъ легко, какъ мало усилія нужно, чтобы сдѣлать такъ много добра, и какъ мало мы объ этомъ заботимся»,—думалъ Пьеръ въ своемъ простодушіи.

Главный управляющій замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на Пьера, и рѣшительно возсталъ противъ освобожденія, доказывая полную ненужность этого при такомъ благоустройствѣ.

Слушая доводы его, Пьеръ въ душѣ былъ согласенъ съ нимъ, но все-таки, хотя и слегка, настаивалъ на томъ, что считалъ справедливымъ. Управляющій для видимости обѣщалъ употребить всѣ усилія, будучи вполне увѣренъ, что баринъ не станетъ провѣрять его, а еще менѣе станетъ спрашивать, функционируютъ ли школы и замѣщены ли больницы.

Возвратясь въ Петербургъ послѣ своей поѣздки по имѣніямъ, Пьеръ сталъ во главѣ масонства. Онъ жертвовалъ, устраивалъ столовыя и надгробныя ложи, вербовалъ членовъ. Пьеръ почти одинъ на свои средства содержалъ домъ бѣдныхъ, устроенный орденомъ въ Петербургѣ.

Радѣя объ интересахъ масонства, Пьеръ жилъ попрежнему, т. е. кутилъ и распутничалъ, и хотя со-

знавалъ всю унижительность этого, но бороться со своими слабостями не могъ.

Присматриваясь ближе къ масонамъ, Пьеръ сталъ разочаровываться. Зная ихъ, какъ людей равныхъ ему по общественному положенію, Пьеръ не могъ не видѣть ихъ слабостей, интригъ и даже порою неблаговидныхъ поступковъ въ ихъ повседневной жизни. Давая клятву отдать все свое имущество ближнему, эти люди творили милостыню, записывая свои пожертвованія въ долгъ, хотя большая часть масоновъ была такъ же богата, какъ и Пьеръ. Всѣ эти недочеты съ нравственной стороны отталкивали графа Пьера отъ масонства; къ тому же мистическая сторона ложи не захватывала его. Пьеръ не удовлетворялся болѣе своею дѣятельностью. Масонство казалось ему иногда только пустой обрядностью, т.-е. что оно отклонилось и пошло по ложному направленію. Вскорѣ между нимъ и остальными масонами вышли разногласія на почвѣ убѣжденій, и Пьеръ вышелъ изъ ложи.

Снова тоска завладѣла имъ. Цѣлыми днями валялся онъ на диванѣ и никого не принималъ.

Въ это время пришло ему письмо отъ жены; Эллень просила свиданія, упоминала о своей грусти и о желаніи посвятить ему свою жизнь.

Пьеру было все равно: онъ ничего въ жизни не считалъ дѣломъ большого значенія, и, подъ вліяніемъ тоски, снова овладѣвшей имъ, не дорожилъ своею свободою.

«Никто не правъ, никто не виноватъ, стало быть и она не виновата»,—думалъ онъ.

Когда жена возвратилась къ нему, онъ сказалъ ей, что ему нечего прощать ей и сказалъ это только для того, чтобы она не знала, какъ тяжело ему было видѣть ее.

Въ глазахъ свѣта Пьеръ былъ большой баринъ, слѣпой и смѣшной мужъ знаменитой красавицы-жены, чудакъ, ничего не дѣлающій, но никому не вредящій. Въ душѣ же Пьера происходила трудная и сложная работа внутренняго развитія, дававшая ему много сомнѣній, но много и радостей.

Но недолго продолжалось это нравственное самоуглубленіе. Вдругъ, безъ всякой ясно выраженной причины, Пьеръ почувствовалъ невозможность продолжать прежнюю жизнь. Какъ ни твердо вѣрилъ онъ въ нѣкоторыя истины, какъ ни радовала его работа надъ самосовершенствованіемъ, но вся прелесть этого вдругъ пропала для него. Остался одинъ внѣшній порядокъ жизни; душа не радовалась и не волновалась. Графъ закутилъ и повелъ такую жизнь, что сталъ даже «притчей во языцѣхъ». Жена сдѣлала ему замѣчаніе, и Пьеръ, чтобы не компрометировать ея, уѣхалъ въ Москву, гдѣ сразу почувствовалъ себя какъ дома. Московскія святыни, патріархальность, царившая тамъ успокоительно подѣйствовали на него. Мѣстное общество приняло его радушно. Для Москвы онъ былъ все тотъ же славный, добрый и щедрый малый.

Пьеръ втянулся въ общій строй жизни; кутилъ, ѣздилъ къ знакомымъ, усиленно читалъ и больше всего боялся появленію тоски, которая временно оставила его.

Въ это время подошла война 12-го года. Всѣ друзья Пьера уѣхали въ походъ. Графъ долго колебался: ѣхать ему или нѣтъ, наконецъ, рѣшилъ и отправился на войну. Онъ находилъ особенную прелесть пожертвовать всѣмъ для отчизны. Самое жертвованіе вызывало въ немъ новое радостное чувство.

Приѣхавъ на мѣсто сраженія, Пьеръ почувствовалъ себя не на мѣстѣ. Солдаты неодобрительно посматривали на графа, но когда убѣдились, что этотъ толстый человекъ въ бѣлой шляпѣ и зеленомъ фракѣ не только не дѣлалъ ничего худого, но или смиренно сидѣлъ на откосѣ вала или, робко улыбаясь, учтиво уступалъ дорогу солдатамъ, прохаживался среди выстрѣловъ такъ же спокойно, какъ на прогулкѣ по бульвару, тогда понемногу всѣ начали привыкать къ нему и даже сочувственно шуточно разговаривали съ нимъ. «Нашъ баринъ», — прозвали его, ласково смѣясь, солдаты.

Впечатлѣнія войны оказались слишкомъ сильными для Пьера. Обильное пролитіе крови испугало его. Присутствуя при Бородинскомъ сраженіи, онъ пережилъ всѣ ужасы войны и желалъ всѣми силами своей души только одного — уйти отъ этихъ страшныхъ впечатлѣній, вернуться къ обычнымъ условіямъ жизни и заснуть спокойно на своей постели. Но этихъ обычныхъ условій нигдѣ не было.

Пьеръ рѣшилъ возвратиться въ Москву, что немедленно и сдѣлалъ. Въ это время Москва уже не была безопаснымъ убѣжищемъ. Всѣ покидали свои дома и уѣзжали.

Пьеръ остался въ Москвѣ, собираясь принять участіе въ предполагаемой защитѣ города. Воспоминанія Бородинскаго сраженія и сознаніе своего ничтожества и лживости въ сравненіи съ правдивостью и силой того сорта людей, которые запечатлѣлись у него въ душѣ; патріотическій духъ солдатъ, ихъ самоотверженіе дали Пьеру ясное представленіе о его малыхъ силахъ.

Купивъ кафтанъ и пистолетъ, Пьеръ покинулъ свой домъ и поселился инкогнито въ домѣ своего

покойнаго наставника - масона. Предполагаемая защита Москвы оказалась ненужной. Когда Пьеръ узналъ объ этомъ, у него мелькнула мысль остаться въ Москвѣ, встрѣтить Наполеона и убить его. Этимъ онъ думалъ предотвратить несчастіе всей Европы, происходившее, по мнѣнію Пьера, только отъ Бонапарта. Мысль эта, мелькнувшая случайно, утвердилась въ немъ и приняла ясную форму. Осуществить ее казалось ему не только необходимымъ но даже неизбѣжнымъ. Возвращаться назадъ и презрѣнно и смѣшно.

Французы уже вступили въ Москву. Пьеръ зналъ это, и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ только разрабатывалъ детали. Пьеръ мало представлялъ себѣ, какъ онъ убьетъ Наполеона, и съ необыкновенной ясностью и скорбной радостью видѣлъ собственную гибель и свое геройство.

Трудно сказать, чѣмъ разрѣшилось бы подобное состояніе Пьера, но внѣшнія обстоятельства разсѣяли его напряженность и отвлекли его отъ намѣченнаго плана.

Въ домъ, въ которомъ онъ поселился, вошли французы. Пьеръ не только не выразилъ имъ враждебныхъ чувствъ, но даже спасъ одного изъ нихъ, когда въ него хотѣлъ выстрѣлить сошедшій съ ума старикъ Макаръ Алексѣевичъ, а когда французъ пришелъ въ себя отъ неожиданности, то Пьеръ даже раздѣлилъ съ нимъ обѣдъ.

Когда графъ Пьеръ остался одинъ, то онъ понялъ, что въ немъ уже нѣтъ того сосредоточенно мрачнаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился послѣднее время.

Пьеръ попрежнему сознавалъ необходимость убить

«злодѣя», но уже не чувствовалъ въ себѣ готовности совершить это убійство. Бесѣда, встрѣча съ французомъ отвлекли его. Сознаніе слабости мучило Пьера, но преодолѣть ее онъ не могъ; весь поглощенный тѣмъ, что ему предстоитъ исполнить, Пьеръ мучился, какъ мучатся люди, упорно предпринявшіе дѣло невозможное для исполненія не по трудностямъ, а по несвойственности дѣла для своей натуры. Онъ мучился, боясь ослабѣть въ рѣшительный моментъ и тѣмъ потерять уваженіе къ себѣ.

Свершить «великое», т. - е. спасти Европу отъ злодѣя, было не суждено ему. Москва вся пылала отъ пожаровъ. Пьеръ бросается въ пылавшій домъ и спасаетъ ребенка. Нервный эксцессъ помогъ ему свершить великое, заранѣе же обдуманное намѣреніе привело его къ сознанію собственнаго ничтожества и слабости.

Тотъ же подъемъ нервной энергіи заставилъ его наброситься на француза и исколотить его. Убить Наполеона уже совершенно не являлось для него возможнымъ: онъ былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ узналъ не умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, жизнью, что человѣкъ рожденъ для счастья, что оно въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, и что все несчастье происходитъ не отъ лишенія, а отъ избытка. Узналъ онъ также и то, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго.

Всю тяжесть испытанныхъ имъ лишеній Пьеръ почувствовалъ только по ихъ окончаніи. Освободившись отъ плѣна, Пьеръ слегъ: съ нимъ сдѣлалась желчная горячка.

Первая новость, дошедшая до него по выздоровленіи, была смерть жены его, Эллень. Она не про-

извела на него никакого впечатлѣнія. Жажда животнаго покоя захватила въ свои когти Пьера. Онъ наслаждался «удовлетвореніемъ своихъ естественныхъ потребностей».

Для него настало полное освобожденіе духа. Мысль о женѣ, такъ часто мучившая его, больше не являлась: она умерла—значить все ясно.

Всѣ его философскія мечтанія уступили мѣсто глубокой вѣрѣ въ Бога и въ справедливость Его. Въ немъ появилась уравновѣшенность и что-то такое, что привлекало къ нему людей. Онъ научился вызывать въ нихъ самыя лучшія стороны ихъ души и любовался ими; чужія же мнѣнія стали уважать, чего раньше не было въ немъ.

Денежныя дѣла, раньше столь докучавшія ему, теперь были имъ приведены въ ясность. Никакія увѣренія управляющаго не были имъ приняты на вѣру. Онъ лично принялся за все. Встрѣча съ Наташей рѣшила его судьбу. Графиня Ростова съ самаго дѣтства нравилась ему, но обстоятельства надолго разъединили ихъ: Наташа любила князя Болконскаго. Пьеръ былъ женатъ. Смерть устранила всѣ препятствія, и Пьеръ добился когда-то столь желаннаго счастья имѣть своею женою Наташу Ростову. Пьеръ получилъ все, что желалъ: дѣтей, любящую жену, средства, которыя позволяли ему помогать ближнимъ, а главное—онъ получилъ душевный покой, зналъ, что хотѣлъ и къ чему стремился.

Андрей Болконскій.

«Я хочу славы, хочу быть извѣстнымъ людямъ, хочу быть любимымъ ими. Я не виновать, что хочу того, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Я никогда никому не скажу этого, но Боже мой! что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, славу людскую. Смерть, потеря семьи, ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди, отецъ, сестра, жена—самые дорогіе мнѣ люди, но, какъ ни страшно и ни неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не буду знать, за любовь вотъ этихъ людей. И все-таки я люблю и дорожу торжествомъ надъ всѣми ими, дорожу этой таинственной силой и славой, которая вотъ тутъ надо мной носится въ этомъ туманѣ!»—говоритъ самъ про себя князь Андрей.

Левъ Толстой вывелъ въ лицѣ князя Болконскаго человѣка честолюбиваго, властнаго, ставившаго карьеру выше всего. Власть, слава—вотъ что влекло его. Война могла все это доставить ему, и онъ увѣзжаетъ воевать противъ Наполеона. Случай отличиться, получить извѣстность, хотя и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ мечталъ князь Андрей, не замедлилъ предста-

виться: солдаты, испуганные атакой французовъ, бросились бѣжать. Князь Андрей съ крикомъ «ура», схвативъ брошенное раненымъ солдатомъ знамя, несется впереди отряда и своимъ энтузіазмомъ увлекаетъ убѣгавшихъ солдатъ. Князь Андрей раненъ. Французы подбираютъ его на полѣ брани. Ослабленіе силъ, страданіе, близкое ожиданіе смерти вызвали въ немъ строгое величественное теченіе мысли. Все казалось ничтожно, бесполезно: величіе, слава, ничтожность жизни и еще большая ничтожность смерти, смыслъ которой никто не могъ ни понять, ни объяснить.

«Какъ бы счастливъ и спокоенъ я былъ, если бы могъ сказать теперь: Господи, помилуй меня! Но кому я скажу это? Или сила — неопредѣленная, непостижимая, къ которой я не только не могу обращаться, но которой не могу выразить словами, великое все или ничего, или это тотъ Богъ, который вотъ здѣсь зашить, въ этой ладонкѣ княжной Марьей? Ничего, ничего нѣтъ вѣрнаго, кромѣ ничтожества всего того, что мнѣ понятно, и величія чего-то непонятнаго, но важнѣйшаго».

Смерть жены, которой при жизни ея онъ тяготился, сильно подѣйствовала на него. Полное несходство характеровъ, различное міросозерцаніе разъединяли ихъ при жизни, но смерть все скрасила, все дурное отошло. Видъ умершей жены вызвалъ укоры совѣсти въ душѣ князя Андрея. Хотя онъ ни въ чемъ не могъ укорить себя, но чувство виновности не покидало его.

«Я знаю въ жизни только два дѣйствительныхъ несчастія: угрызения совѣсти и болѣзнь. И счастье это только отсутствіе этихъ словъ. Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя муд-

рость теперь»,—говорит онъ.—«Я жилъ для славы. Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ поръ сталъ спокойнѣе, какъ живу для одного себя».

Подобныя разсужденія не мѣшали ему дѣлать добро ближнимъ, т.-е. жить не для одного себя. Безъ замѣтнаго труда и безъ выказыванья кому -нибудь, князь Андрей произвелъ улучшенія въ быту своихъ крѣпостныхъ.

Онъ имѣлъ ту практическую цѣпкость, которая безъ размаховъ и усилий съ его стороны давала движеніе дѣлу. Школа, больница, замѣна барщины оброкомъ, отчисленіе триста душъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы—все это явилось и прочно возстановилось въ имѣніи князя Болконскаго.

Сидя безвыѣздно въ деревнѣ, князь Андрей не переставалъ слѣдить за всѣми новыми событіями міра, получалъ многу книгъ и, такимъ образомъ, былъ въ курсѣ всего совершавшагося во внѣшней и внутренней политикѣ. Личной жизни у него не было. Онъ доживалъ свой вѣкъ, не дѣлая зла, не тревожась и ничего для себя не желая.

Трудно допустить подобное самоотреченіе въ 31 годъ. Князь Андрей не кривилъ душою, думая такимъ образомъ; но привычка быть въ обществѣ, играть въ немъ роль, отсутствіе людей сказалось въ конечномъ результатѣ: онъ загрузилъ, появилась нервозность, раздражительность. Его тянуло въ высшія сферы, гдѣ готовилось будущее, отъ котораго зависѣли судьбы миллионовъ.

Въ Петербургѣ въ то время готовилось огромное гражданское сраженіе, главнокомандующимъ котораго являлось гениальное лицо—Сперанскій. Эта личность

влекла къ себѣ князя Андрея. Дѣло преобразованія, еще смутно знакомое ему, страстно интересовало его. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ партія преобразователей радушно приняла его, считая князя Андрея умнымъ и выдающимся лицомъ, и вдобавокъ либераломъ, ратовавшимъ за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сперанскій предложилъ ему работать въ комиссіи составленія законовъ. Вопросъ объ открытіи Государственнаго Совѣта былъ близокъ къ своему разрѣшенію. Князь Андрей съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого разрѣшенія и придавалъ ему большую важность. Наконецъ, Государственный Совѣтъ открылся. Все стало ясно, опредѣленно, а потому и непритягательно для князя Андрея. Всѣ его хлопоты, искательства, исторія его проекта военного устава, который онъ представилъ государю и который былъ «принятъ къ свѣдѣнію» и о которомъ «умолчали» единственно потому, что другая работа, болѣе худшая, была уже раньше доставлена государю, его законодательная работа—все стало казаться ему ненастоящимъ дѣломъ сравнительно съ тѣмъ «маленькимъ, незамѣтнымъ», что онъ дѣлалъ въ своемъ имѣніи. «Изъ-за чего я бьюсь, изъ-за чего я хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ? На что это мнѣ?»—спрашиваетъ себя князь Андрей. — «Вся жизнь, со всѣми ея радостями, открыта мнѣ. Я хочу пользоваться свободой, пока чувствую въ себѣ силу молодости. Надо вѣрить въ возможность счастья, и я теперь вѣрю въ него, хочу жить и извѣдать счастье».

Встрѣча съ графиней Ростовой дала ему именно эту иллюзію счастья. Юная прелесть Наташи, ея чистота, которая особенно цѣнилась княземъ Андреемъ, произвели сильное впечатлѣніе на него. Яркая личность

его не могла пройти незамѣченной. Все шло навстрѣчу ему. Полный отвѣтъ былъ на его чувство. Тоска, разочарованіе, презрѣніе къ жизни—все исчезло подъ вліяніемъ любви, вѣра въ счастливую жизнь «вдвоемъ» явилась сама собою. Князь дѣлаетъ предложеніе, получаетъ согласіе Ростовыхъ, но свадьбу откладываетъ на годъ, вслѣдствіе недостатка здоровья, а главное, чтобы убѣдиться въ прочности (совѣтъ отца Болконскаго) любви молодой Наташи. Князь Андрей уѣзжаетъ за границу для возстановленія здоровья; письма его къ невѣстѣ полны описанія новыхъ мѣстъ и людей, которые встрѣчались ему за границей. Все его радовало, трогало; любовь Наташи, вѣра въ нее, возможность близкаго счастья заставляли его забывать прошлое.

Трудно описать состояніе души князя Болконскаго, когда онъ узналъ объ измѣнѣ невѣсты и о ея предполагаемомъ побѣгѣ. Гордость его не позволяла ему выражать чувства сожалѣнія, тоски, разочарованія; презрѣніе къ женской неустойчивости Наташи, полное непризнаніе ея страданій и раскаянія, гордая замкнутость—вотъ все, что было замѣтно для окружающихъ.

Желаніе разсѣяться, перемѣнить обстановку заставляетъ князя Андрея уѣхать въ Турцію. Онъ получаетъ назначеніе состоять при штабѣ главной квартиры Молдавской арміи. Въ новой странѣ, при новыхъ условіяхъ жизни ему стало легче. Измѣна невѣсты глубоко уязвила его; ему было тяжело видѣть все то, что напоминало ему прежнее счастье. Жажда мести волновала его. Онъ зналъ, что если встрѣтитъ своего соперника, то дуэль неминуема, но именно этой-то встрѣчи и избѣгалъ его малодушный сопер-

никъ. Когда, въ 12-мъ году, вѣсть о войнѣ съ Наполеономъ дошла до князя Андрея, то онъ попросилъ у Кутузова перевода въ Западную армію, гдѣ (онъ это зналъ) находился и Анатолий Курагинъ, его соперникъ.

Всѣ послѣдующія событія захватили князя Болконскаго, лишили его прежнихъ болѣзненныхъ ощущений, притупили ихъ. Оставленіе Смоленска, извѣстіе о смерти отца, его пріѣздъ въ Лысыя Горы, гдѣ все было разорено, — столько ощущений испытано имъ, что все прошлое куда-то отошло или временно оставило его. Ненависть къ французамъ сдѣлала войну въ его глазахъ необходимой, смерть не страшила его, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему; но когда, раненый тяжело, онъ приходитъ въ себя, то жизнь становилась дорога ему. Что-то было въ жизни, чего онъ не понималъ, но что привязывало къ ней.

Встрѣча его съ Анатолемъ произошла совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ воображалъ князь Болконскій. Анатолю ампутировали ногу въ той самой палатѣ, гдѣ лежалъ тяжело раненый князь Андрей. Слушая стоны Анатоля, самъ сильно страдая, онъ хотѣлъ плакать, — злоба, ревность, мщеніе не имѣли уже мѣста въ его размягченномъ сердцѣ.

«Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, къ врагамъ, да, та любовь, которую проповѣдывалъ Христосъ на землѣ, которой меня учила сестра княжна Марья и которой я не понималъ. Вотъ отчего мнѣ было жалко жизни, вотъ оно то, что еще оставалось во мнѣ, если бы я былъ живъ. Но теперь уже поздно, я знаю это».

Итакъ, злоба и мщеніе къ сопернику уступили мѣсто прощенію и даже любви. Судьба приводитъ его,

умирающего, подъ кровлю Ростовыхъ, гдѣ онъ и примиряется со своей бывшей невѣстой. То «новое», что появилось въ князѣ Андрѣ, заставило его понять многое и простить.

«Любя человѣческой любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти, но божеская любовь не можетъ измѣниться, любить человѣка дорогого можно человѣческой любовью; врага же только любовью божеской»,—говоритъ себѣ князь Андрей и прощаетъ тѣхъ, кого больше всего ненавидѣлъ—Анатоля и Наташу.

«Онъ слишкомъ хорошъ, онъ не можетъ жить, разъ съ нимъ случилось «это» (всепрошеніе, любовь къ врагамъ)»,—говоритъ про него Наташа.

Это смягченіе, умиленіе были признаками смерти. Въ немъ чувствовалась отчужденность отъ всего мірскаго. Онъ съ трудомъ понималъ все живое, потому что ему было открыто что-то такое, чего не понимали живые и что всецѣло захватило его. Онъ знавалъ, что умираетъ, и безъ тревоги ожидалъ того, что неизбѣжно.

«Любовь есть Богъ и умереть—значить мнѣ, частицъ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику».

Мысль эта казалась ему утѣшительной.

«Смерть есть пробужденіе»,—думаетъ князь Андрей и чувствуетъ какъ бы освобожденіе своего духа и ту странную легкость, которая до самой смерти не оставляла его.

Окружающіе видѣли, что въ немъ умирало только тѣло, «его уже не было, онъ ушелъ отъ нихъ». Куда онъ ушелъ? Гдѣ онъ теперь? Позналъ ли истину?

Наташа Ростова.

«Какъ она мила»,—говорить сама о себѣ Наташа Ростова.—«Все, все въ ней есть—умна, мила и притомъ хороша, удивительно хороша, ловка, плаваетъ, отлично ѣздитъ верхомъ, чудно поеть».

И съ этимъ нельзя не согласиться: она, дѣйствительно, владѣетъ всѣми этими достоинствами, но, въ увлеченіи собою, Наташа, забываетъ, что, несмотря на всѣ свои внѣшнія данныя, ея внутреннее содержаніе оставляетъ желать еще очень и очень многого.

Кокетство не есть добродѣтель и не доказываетъ богатаго умственного развитія, не говоря уже объ этической сторонѣ этого свойства женской души, которое часто приводитъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Такъ оно и случилось съ молодой графиней Ростовою.

Еще будучи 13-ти лѣтней дѣвочкой, Наташа проявляла эту, столь не дѣтскую, склонность; естественно, что, подрастая, она утончилась въ этомъ искусствѣ, хотя нужно отдать ей справедливость, дѣйствовала безознательно и сама порою увлекалась.

Кузень Борисъ, Денисовъ, князь Андрей Болкон-

скій, въ особенности послѣдній — всѣ испытали на себѣ ея чары.

Красивая, живая, восторженная Наташа влекла къ себѣ. Переизбытокъ здоровья, молодость, довольство, любовь родителей—все радовало ее и веселило. Удовлетворенное тщеславіе—успѣхъ въ свѣтѣ—дѣлало ее и доброй, и отзывчивой,—слѣдовательно, критиковать свои поступки не являлось потребностью.

Встрѣча на балу съ княземъ Андреемъ, его вниманіе къ ней сначала польстило ея тщеславію, а затѣмъ яркая личность князя Андрея довершила остальное... Наташа почувствовала первое біеніе чувства любви. Притихла, стала задумываться и трепетно ожидала прихода князя Андрея. Она поняла, что пора шутокъ, дѣтскаго отношенія къ жизни, прошла, что на ней впредь лежитъ отвѣтственность за каждое дѣло и слово.

Замѣчая испытующіе и внимательныя взгляды князя Андрея, ставшаго ея женихомъ, она терялась и спрашивала себя: «Что онъ ищетъ во мнѣ. Что, если во мнѣ нѣтъ того, что онъ ищетъ своимъ взглядомъ?»

Чувство ея къ жениху казалось ей сильнымъ и большимъ. Мысль о разлукѣ пугала, но когда разлука все-таки совершилась (Болконскій, вслѣдствіе препятствія со стороны своего отца, свадьбу отложилъ на годъ, а пока уѣзжалъ за границу), то Наташа сначала очень огорчилась и даже три дня высидѣла въ своей комнатѣ, но потомъ снова развеселилась и зажила попрежнему.

Свое отношеніе къ жениху она опредѣляла слѣдующимъ образомъ: «я была влюблена въ Бориса, въ учителя Денисова, но это совсѣмъ не то. Мнѣ пе-

койно, твердо. Я знаю, что лучше его не бывает людей, и такъ мнѣ спокойно, хорошо теперь. Совѣмъ не такъ, какъ прежде»...

Тоска ея по жениху то оставляла, то съ удвоенной силой охватывала ее. Письма его ея не удовлетворяли; ей было досадно, что въ то время, когда она такъ томится и скучаетъ по немъ, онъ видитъ новыя мѣста и лица за границей. Сама она писать письма не умѣла, т.-е. не умѣла описывать свое состояніе души. Письма ея отличались классически-однообразнымъ стилемъ и даже сильно грѣшили въ орѳографіи.

По мѣрѣ окончанія срока разлуки Наташа все болѣе и болѣе волновалась и теряла терпѣніе. Отецъ повезъ ее въ Москву, чтобы немного разсѣять. Князь Андрея тоже ожидали тамъ съ каждымъ днемъ.

Наташа всей душой рвалась къ жениху, хотѣла скорѣе увидѣть его, обнять, приласкаться. Она чувствовала себя созрѣвшей для любви.

Князь Андрей не ѣхалъ, Наташа все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе ждала его, сердилась за промедленіе. И вотъ въ театрѣ она знакомится съ Анатолемъ Курагинымъ, и между ними сразу устанавливается какая-то странная, порою оскорбляющая, но чаще привлекающая Наташу близость. Его восхищеніе было пріятно ей, присутствіе волновало. Она чувствовала, что онъ близокъ ей, какъ никогда еще не былъ близокъ мужчине. Когда онъ глядѣлъ ей въ глаза, она сознавала, что между нимъ и ею нѣтъ преграды.

Мысль о женихѣ въ такіе моменты не приходила ей, какъ будто все то отходило въ прошедшее. Все казалось ей темно, неясно, страшно и привлекательно. Порою появлялись у нея угрызения совѣсти, но она успокаивалась.

вала себя и сердилась, что князь Андрей не ѣдет. Сознаніе, что вся прежняя чистота ея любви къ жениху исчезла, порою волновало ее, хотя и не очень сильно. Она не знала, кого любить — Анатоля или князя Андрея, но послѣдній не ѣхалъ, а Анатолю былъ съ нею, шепталъ страстныя слова любви; Наташа, увлеченная обѣщаніями Анатоля, хочеть бѣжать съ нимъ и обвѣнчаться, не зная, что ея избранный женатъ. Князю Андрею она пишетъ отказъ. Побѣгъ не удался. Наташа испытываетъ жгучую досаду и стыдъ, мучится тѣмъ зломъ, которое надѣлала князю Андрею, испытываетъ раскаяніе, но во всемъ винить только себя. Князя Андрея она проситъ простить, но тотъ отворачивается отъ нея. Наташа не въ силахъ справиться со всѣми своими несчастіями и заболѣваетъ. Физическій недугъ излечиваетъ ея душевныя раны, и она снова возрождается къ жизни.

Раскаяніе еще долго мучило ее, и у раненаго умирающаго князя Андрея она выпрашиваетъ прощеніе. Совѣсть не терзаетъ ея; она чувствуетъ, что радости жизни доступны ей; новая любовь, болѣе сознательная, является на смѣну старой. Здѣсь все ясно, просто, уравновѣшенно. Всѣ бывлыя порывы Наташи имѣли основаніемъ только потребность имѣть семью, мужа. Выйдя замужъ за Пьера Безухова, Наташа сразу отрѣшилась отъ всѣхъ своихъ очарованій, кокетства какъ не бывало. Она съ головою ушла въ семью, служила ей и жила ею. Она нашла свое настоящее призваніе.

Княжна Марья Болконская.

«Если бы у меня спросили, чего я желаю болѣе всего на свѣтѣ,—я желаю быть бѣднѣе самаго бѣднаго изъ нищихъ, потому что слова нашего Божественнаго Спасителя, что «легче верблюду пройти въ игольное ушко, чѣмъ богатому войти въ Царствіе Божіе»—эти слова страшно справедливы», — пишетъ княжна Марья своему другу.

Глубокая вѣра въ Бога и въ справедливость Его предначертаній чувствуется въ каждомъ словѣ княжны Марьи.

«Какъ можемъ мы, жалкіе грѣшники, познать страшныя и священныя тайны Провидѣнія до тѣхъ поръ, пока носимъ на себѣ эту плотскую оболочку, которая выдвигаетъ между нами и Вѣчнымъ непроницаемую завѣсу?»

«Ограничимся лучше изученіемъ великихъ правилъ, которыя нашъ Божественный Спаситель оставилъ намъ для нашего руководства здѣсь, на землѣ; будемъ стараться слѣдовать имъ и постараемся убѣдиться въ томъ, что чѣмъ меньше мы будемъ давать разгула нашему уму, тѣмъ мы будемъ пріятнѣе Богу, который отвергаетъ всякое знаніе, исходящее не отъ Него, и что чѣмъ меньше мы углубляемся въ то, что

Ему угодно было скрыть отъ насъ, тѣмъ скорѣе дасть Онъ намъ это открытіе Своимъ Божественнымъ разумомъ».

Свои взгляды на супружество она выражаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Бракъ, по-моему, есть божественное установленіе, которому нужно подчиниться. Какъ бы то ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будетъ наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять ихъ такъ вѣрно, какъ могу, не заботясь объ изученіи своихъ чувствъ въ отношеніи того, кого Онъ мнѣ дасть супругомъ».

Покорность ея отцу была безгранична. Все сдѣланное имъ возбуждало въ ней благоговѣніе, которое не подлежало обсужденію; только религіозныя убѣжденія отца ужасали ее, и это единственное, чего она не прощала ему и что дѣлало ее несчастной. Мечтая о бракѣ, княжна Марья мучилась мыслью, что она дурна собою и что ей недоступно семейное счастье. Дѣти... мужъ манили ее, но главной, сильнѣйшей и затаенной мечтою ея была любовь земная, земная любовь мужчины. Чувство это было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ старательнѣе она скрывала его. «Боже мой»,—говорила она,—«какъ мнѣ подавить въ сердце своемъ эти мысли діавола? Какъ мнѣ отказаться отъ злыхъ помысловъ, чтобы спокойно исполнять Твою волю?»

Вѣря въ Божіе предопредѣленіе, княжна Марья жила надеждой на исполненіе своей завѣтной земной мечты. Бесѣды съ «Божьими» людьми, постоянно находившимися у нея пріютъ, доставляли ей тихую радость и утѣшеніе.

Чѣмъ больше жила княжна Марья, чѣмъ больше испытывала жизнь и слѣдила за ней, тѣмъ страннѣе

казалось ей общее стремленіе къ невозможному призрачному счастью: всѣ борются, страдаютъ, дѣлають зло другъ другу, и все это для достиженія благъ, срокъ которыхъ мгновенень.

«Христось, сынъ Бога, сошелъ на землю и сказалъ намъ, что эта жизнь есть мгновеніе, испытаніе, а мы все держимся за нее и думаемъ въ ней найти счастье. Какъ никто не понялъ этого?»—думаетъ княжна Марья.

Надежду на супружество княжна Марья оставила совсѣмъ. Въ свѣтъ она не ѣздила. Она видѣла, что отецъ враждебно и холодно относится къ ея супружеству. «Ты дурна и неловка. На тебѣ и женятся, то ради приданого»,—говорилъ отецъ и выпроваживалъ отъ себя молодыхъ людей, могущихъ быть женихами.

Несправедливость отца ея порою походила на намѣренную жестокость, но княжнѣ Марьѣ и въ голову не приходило осуждать его. «Онъ старъ и слабъ; смѣю ли я осуждать его?»—говорила она и этимъ подавляла въ себѣ возможное возмущеніе. Во всю свою жизнь съ отцомъ она одинъ разъ оказала ему сопротивленіе, и то это сопротивленіе явилось слѣдствіемъ самоотверженной дочерней любви.

Старый князь, оставаясь самъ въ своемъ имѣніи, но опасаясь нашествія французовъ изъ-за дочери, велѣлъ княжнѣ Марьѣ ѣхать въ Москву. Но послѣдняя отказалась ѣхать, боясь оставить его одного; присутствіе ея не оказалось лишнимъ, и когда етараго князя хватилъ ударъ, то все богатство ея чудной души вылилось наружу. День и ночь, почти безъ сна и отдыха, ухаживала она за отцомъ. Онъ страдалъ и физически и нравственно. Невозможность облегчить

страданія заставляли княжну Марью желать конца, и какъ ни страшно было для нея это желаніе, — оно было въ ней. Она желала смерти отца какъ для прекращенія его страданій (сознаніе желательности подобнаго конца наполняло ее ужасомъ), такъ и для себя, для своей личной жизни, которая являлась возможной со смертью стараго князя.

Подобная мысль никогда раньше не приходила ей въ голову. Она чувствовала, что житейская забота захватила ее. Возможность счастья и любви, казавшаяся ей навожденіемъ діавола, безпрестанно являлась въ ея воображеніи, но она съ отвращеніемъ отгоняла эти мысли и боялась взглянуть на отца, который, какъ она думала, прочтетъ ея преступныя желанія.

Передъ смертью старый князь просить у нея прощенія и говорить, что онъ все время думалъ о ней и ея судьбѣ.

«А я желала его смерти!» — съ ужасомъ думаетъ княгиня Марья. — «Я хотѣла успокоиться, но на что мое спокойствіе, когда его не будетъ».

Послѣ смерти отца сознаніе своей мерзости душевной, которой раньше она и не подозрѣвала въ себѣ, долго мучить княжну Марью.

Желая почтить память покойнаго отца, княжна отдаетъ хлѣбъ крестьянамъ, когда ей докладываютъ, что они голодаютъ. Крестьяне не понимаютъ ея великодушнаго побужденія, отъ хлѣба отказываются и не выпускаютъ ея изъ имѣнія, заподозрѣвъ, что хлѣбомъ она хочетъ купить ихъ, чтобы они защищали ея имѣніе.

Положеніе ея было не изъ завидныхъ. Французы ожидали съ минуты на минуту, и трудно предуга-

дать, чѣмъ бы это разрѣшилось, если бы для ея освобожденія не явился Николай Ростовъ, который живо возстановилъ порядокъ, и черезъ два часа княжна Марья получила возможность выѣхать изъ имѣнїа.

Ростовъ провожалъ ее. Княжна благодарила его всѣмъ выраженіемъ своего сіявшаго благодарностью и нѣжностью лица. Для нея было ясно, что если бы не онъ, то она, навѣрное, погибла бы и отъ бунтовщиковъ-крестьянъ и отъ французовъ; его самоотверженная (она въ этомъ не сомнѣвалась) защита доказала его благородство и рыцарство.

Простившись съ нимъ, она уже чувствовала, что любить его. Сознаніе это наполняло ее стыдомъ, но она утѣшала себя мыслью, что онъ никогда не узнаетъ этого. Надежды на взаимность у нея не было, но когда она вспоминала его взгляды, полные участія, то ей казалось счастье не невозможнымъ. Въ его прїѣздѣ она видѣла руку Провидѣнїа.

Прїѣхавъ въ Москву, она нашла тамъ письмо отъ брата, который совѣтовалъ ей ѣхать въ Воронежъ, къ теткѣ. Перемѣна жизни, новыя лица заглушили въ душѣ Марьи то чувство искушенїа, которое ее мучило во время болѣзни отца и въ особенности послѣ встрѣчи съ Ростовымъ. Безпокойство за брата, гибель Россїи отодвинули на задній планъ ея личные интересы. Вторая ея встрѣча съ Ростовымъ произошла у тетки, къ которой прїѣхалъ съ визитомъ молодой графъ.

Когда она увидѣла это милое, любимое лицо, какая-то новая сила жизни охватила ее и сдѣлала ее простой и непринужденной. Лицо княжны Марьи преобразилось. Въ первый разъ вся та чистая, духовная, внутренняя работа выступила наружу. Любящая

душа, стремленіе къ добру, покорность—все это свѣтилось въ ея лучистыхъ глазахъ, въ милой улыбкѣ, въ каждой чертѣ ея лица.

Ростовъ сталъ ѣздить и встрѣчаться съ княжной, но извѣстіе о смертельной ранѣ князя Андрея прекратили эти встрѣчи. Княжна Марья поѣхала въ Ярославль, гдѣ лежалъ ея братъ. Когда княжна Марья увидѣла князя Андрея, то не плакала, но безпрестанно молилась, обращаясь душою въ тому Вѣчному, Непостижимому, присутствіе котораго такъ ошутительно было въ умирающемъ человѣкѣ.

Вѣра въ неисповѣдимые пути Господни не позволяла княжнѣ Марьѣ сильно отчаиваться послѣ смерти брата. Судьба свела ее съ семьєю Ростовыхъ, которые сильно привязались къ ней. Бракъ ея съ Николаемъ былъ для всѣхъ желателенъ, и когда онъ совершился, то вызвалъ всеобщее удовольствіе. Сдѣлавшись женою Ростова, графиня Марья была счастлива, но сознавала, что у ея мужа есть особый міръ, страстно имъ любимый, съ какими-то законами, котораго она не понимала и къ которому ревновала.

Горячность мужа, который частенько пускалъ въ ходъ кулаки съ крестьянами, заставляла ее плакать и страдать. Ея слезы всегда сокращали Ростова, и онъ сдерживалъ себя.

Жизнь графини Марьи текла мирно и хорошо, но иногда между ею и Ростовымъ бывали минуты враждебности. Иногда, въ особенности послѣ счастливыхъ періодовъ, на нихъ находила вдругъ какая-то отчужденность, что сильно волновало графиню Марью. Она чувствовала себя несчастной, одинокой... а главное—некрасивой.

Такіе періоды были рѣдки, и графиня Марья не

разъ говорила себѣ: «никогда, никогда не повѣрила бы, что можно быть такъ счастливой».

Она чувствовала покорную, нѣжную любовь къ мужу, страстную привязанность къ своимъ дѣтямъ, въ которыхъ всякая мелочь интересовала и трогала ее. Душа графини Марьи всегда стремилась къ безконечному, вѣчному и совершенному и потому никогда не могла быть покойна.

Борисъ Друбецкой.

Князь Борисъ Друбецкой представляетъ собою типъ молодого честолюбца, который прежде всего и вездѣ преслѣдуетъ одну только цѣль — создать себѣ прочное и блестящее положеніе. Пользуясь съ замѣчательной сообразительностью всѣми указаніями жизненнаго опыта, Борисъ превращаетъ въ сознательную и систематическую тактику то, что раньше для него было дѣломъ инстинкта и счастливаго вдохновенія. Онъ составляетъ себѣ вѣрную теорію карьеры и дѣйствуетъ, сообразно этому, съ неуклоннымъ постоянствомъ. Основываясь на самыхъ очевидныхъ и прямыхъ указаніяхъ опыта, Борисъ рѣшаетъ разъ на всю жизнь, что служить лицамъ несравненно выгоднѣе, чѣмъ дѣлу, и, какъ человѣкъ, нисколько не стѣсненный въ своихъ поступкахъ неразсчетливой любовью къ какой-нибудь идеѣ или дѣлу, онъ ставитъ себѣ правиломъ служить только лицамъ и возлагать все свое упованіе никакъ не на какія-либо собственныя достоинства, а только на хорошія отношенія съ вліятельными лицами, умѣющими награждать и выводить въ люди вѣрныхъ и покорныхъ слугъ.

Всѣ средства, ведущія къ цѣли, онъ считаетъ хорошими.

Друбецкой, конечно, преуспѣваетъ благодаря своей непогрѣшимой теоріи, вполне соответствующей духу того времени и общества, среди котораго онъ ищетъ богатства и почета.

Сближается онъ и ищетъ знакомства только съ людьми, которые стоятъ выше его и потому могутъ быть полезны ему.

На вечерахъ въ свѣтъ онъ, разумѣется, ищетъ не развлеченій, а наблюдаетъ каждое лицо и оцѣниваетъ выгоды и возможность сближенія съ каждымъ изъ нихъ.

Борисъ выпрашиваетъ у своего начальника позволенія состоять въ его свитѣ въ Тильзитѣ во время свиданія обоихъ императоровъ и даетъ ему понять при этомъ, какъ внимательно онъ, Борисъ, слѣдитъ за показаніями политическаго барометра и какъ тщательно соображаетъ всѣ свои слова и поступки съ намѣреніями и желаніями высокихъ особъ. То лицо, которое раньше для Бориса было генераломъ Бонапарте, узурпаторомъ и врагомъ челоуѣчества, становится для него императоромъ Наполеономъ и великимъ челоуѣкомъ съ той минуты, какъ, узнавъ о предположенномъ свиданіи, онъ рѣшилъ проситься въ Тильзитъ. Попавъ туда, Борисъ считаетъ свое положеніе упроченнымъ.

На томъ пути, по которому идетъ Борисъ, нѣтъ ни остановокъ, ни отклоненій. Можетъ случиться неожиданная катастрофа, которая вдругъ изомнетъ и изломаетъ всю отлично начавшуюся и благополучно продолжаемую карьеру, но подобная катастрофа можетъ произойти со всякимъ. Это—судьба.

Въ жизни такого челоуѣка, какъ Борисъ, втянушагося въ подобную игру, нѣтъ мѣста тѣмъ

впечатлѣніямъ, изъ которыхъ могло бы развернуться сильное чувство, не подчиненное интересамъ карьеры. Чистая любовь, безъ примѣси корыстныхъ побужденій, не можетъ укорениться въ черствой душѣ Бориса. Это доказано его исторіей съ Наташей Ростовою.

Въ юномъ возрастѣ Борисъ игралъ съ нею въ любовь; затѣмъ они разстались, а когда встрѣтились снова, то заинтересовались другъ другомъ. Борисъ находилъ Наташу очаровательной, но «онъ не долженъ отдаваться чувству», такъ какъ это «разстроитъ его карьеру». Подобное заключеніе заставляетъ его обратиться въ бѣгство. Проплывъ благополучно между подводными камнями любви, Борисъ уже прямо, безъ перерыва, летитъ къ надежной пристани. Общественное положеніе упрочено, теперь на очереди стоитъ богатство. Какъ пріобрѣсти его? А богатыя невѣсты? Его молодая красивая внѣшность, блестящая карьера составляютъ такой товаръ, который можно продать за очень хорошую цѣну. Борисъ присматривается и находитъ себѣ богатую невѣсту, некрасивую дѣвушку, съ краснымъ лицомъ и влажными глазами. Отталкивающая наружность Жюли Карагиной вызываетъ гадливость даже у Бориса. Чтобы получить богатство Жюли, ему придется войти въ ея спальню.

Само собою разумѣется, что Борисъ преодолеваетъ всѣ колебанія свои и выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы со своимъ прихотливымъ тѣломъ.

Дѣлая предложеніе Жюли Карагиной и объясняясь ей въ любви, Друбецкой утѣшаетъ себя мыслью, что всегда можно сдѣлать такъ, чтобы видѣть свою жену возможно рѣже.

Николай Ростовъ.

Николай Ростовъ, молодой армейскій гусарь—полнѣйшая противоположность Борису Друбецкому. Онъ смѣль, пылокъ, неспособенъ и не любитъ соображать, всегда поступаетъ сломя голову, весь отдается первому впечатлѣнію и даже чувствуетъ презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые сопротивляются воспримчивости впечатлѣній и раньше перерабатываютъ ихъ къ себѣ.

Ростовъ откликается всѣмъ своимъ существомъ на все, что проситъ отклика, и даже на то, что не имѣетъ права существованія.

Ростовъ, пылая патриотическимъ жаромъ, идетъ въ армейскую кавалерію, хотя, имѣя ежегодно на расходы 10.000 руб., присылаемыхъ ему отцомъ, могъ бы служить въ гвардіи.

Ростовъ любитъ больше всего шумъ, блескъ, сильныя ощущенія, эффектныя сцены и яркія картины. Образъ гусара, летящаго въ атаку, размахивающаго саблей, сверкающаго очами, гусара, который давитъ стальными копытами своего неукротимаго коня трепещущаго непріятели — этотъ образъ, сливаясь въ одно смутно-обаятельное впечатлѣніе, рѣшаетъ судьбу юнаго и пылкаго графа Ростова и заставляеть

его бросить университет и сдѣлаться армейскимъ гусаромъ. Ростовъ буквально бросается въ объятія Павлоградскаго гусарскаго полка, привязывается къ нему, какъ къ родной семьѣ, дорожить его честью, дѣлаетъ благодаря этому рискованные промахи, въ которыхъ не разъ кается, и, при всей своей юношеской обидчивости и вспыльчивости, покорно выслушиваетъ выговоры стариковъ, поучающихъ его умудрѣнному и преподающихъ ему главныя начала гусарской нравственности.

Онъ съ негодованіемъ порицаетъ адъютантство для себя и бросаетъ подъ столъ рекомендательныя письма.

У Ростова идеалы, кумиры и авторитеты растутъ какъ грибы въ дождливую пору. Вѣрять, любить слѣпо, страстно, преслѣдуя ненавистью фанатика тѣхъ, кто не преклоняется передъ его идолами—это потребность его кипучей природы. Подобная потребность проявляется особенно рельефно въ восхищенномъ взглядѣ на государя. «Только умереть, умереть за него», — шепчетъ онъ, при видѣ государя во время высочайшаго смотра въ Ольмюцѣ.—«Боже мой, какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огонь».

Весь поглощенный своею восторженностью къ государю, Ростовъ главнымъ образомъ обращаетъ свое вниманіе на то, что солдатъ неопрятенъ, неделикатенъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы находиться вблизи государя и останавливать его взоры. Въ солдатѣ Ростовъ видитъ въ эту минуту не умирающаго чело-вѣка, не мученика, мужественно принявшаго страданіе за того же государя, а только грязное, кровавое пятно, способное замарать ту картину, на которую

обращены очи императора, пятно, доставляющее лишь неприятное ощущение дисгармонии, способное разстроить нервы государя.

Самъ Ростовъ неспособенъ анализировать свое чувство; онъ не задаетъ себѣ никакихъ вопросовъ, все переживаемое считаетъ законнымъ, потому что наполненъ имъ и не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Въ немъ нѣтъ и зародыша какого-нибудь сомнѣнія. Задумываться надъ причинами и основаніями не въ привычкахъ молодого гусара. Онъ не спрашиваетъ себя ни о чемъ, не знаетъ вопроса: почему? И не хочетъ знать его. Онъ непосредственъ, и эта непосредственность служитъ вѣрной опорой тому чувству восторга, которымъ волнуется почти постоянно графъ Ростовъ.

Разсудочное и спокойное отношеніе ему совершенно несвойственно.

Вторая война съ Наполеономъ, которая заканчивается поражениемъ нашихъ войскъ при Фридландѣ, видѣнные событія, политическія и неполитическія, множество воспринятыхъ впечатлѣній, крупныхъ и мелкихъ, задаютъ уму Ростова мучительную работу, превышающую его силы, и возбуждаютъ въ немъ много столь несвойственныхъ ему сомнѣній, съ которыми онъ не въ силахъ справиться. Во всемъ и во всѣхъ замѣчаетъ онъ противорѣчія. Другой человекъ на его мѣстѣ успокоился бы, на томъ основаніи, что человеческія силы ограничены, и что ошибки и внутреннія противорѣчія неизбежны при всѣхъ людскихъ начинаніяхъ.

Но все это пріобрѣтается опытомъ, а его-то и не было у графа Ростова. Мышленіе не обнаруживаетъ никакого вліянія на всю его дальнѣйшую жизнь. Горь-

кія впечатлѣнія искупались хорошими, и дѣло обходилось благополучно.

Сомнѣнія не нарушаютъ его душевнаго спокойствія. Онъ не желаетъ и не умѣетъ осмыслить свою жизнь. Книгъ для него не существуетъ.

Чтеніе не занимаетъ въ его жизни никакого мѣста даже въ смыслѣ заполнения времени. Ему нравится полковая жизнь въ мирное время именно тѣмъ, чѣмъ она невыносима человѣку, сколько-нибудь способному анализировать.

Разстроенныя денежныя дѣла принуждаютъ его выйти изъ полка и заняться хозяйствомъ. Послѣ ликвидаціи своего имѣнія, домовъ, Ростовъ узнаетъ, что денежныя средства его очень ограничены, но не волнуется этимъ открытіемъ и ѣдетъ служить въ полкъ. Встрѣча съ богатой княжной Марьей Болконской рѣшаетъ его судьбу. Женясь на ней, Ростовъ пріобрѣлъ все, что могъ желать: средства, милую, чудную, умную жену, которую онъ сильно полюбилъ при первой же встрѣчѣ, дѣтей, воспитаніе которыхъ онъ предоставилъ женѣ, вѣря въ ея умственное превосходство.

Въ лицѣ Николая Ростова Л. Толстой выводитъ очень заурядный типъ человѣка, который хотя и не можетъ не нравиться, но который, при внимательномъ изученіи его, наводитъ на сознаніе, что въ немъ нѣтъ того, что составляетъ самую существенную прелесть здоровой молодости.

Молодое, свѣтлое существо волнуется отъ впечатлѣній, ищетъ, силы его духовныя растутъ, постепенно проявляясь въ жизни; границъ нѣтъ, чтобы остановить развитіе его силъ. Изъ такого существа можетъ выработаться и великое и свѣтлое. Разъ охва-

тившее сомнѣніе его мучить, освободиться отъ него можно, только стремясь къ разрѣшенію.

Ростовъ же легко освободится отъ сомнѣній, когда на смѣну явится что-нибудь новое. Начать онъ можетъ, но довести до конца—едва ли. Таково свойство всѣхъ поверхностныхъ натуръ.

Платонъ Каратаевъ.

Платонъ Каратаевъ такая же дикая, некультурная натура, какъ и Пьеръ Безуховъ, но только лишенная интеллектуальнаго элемента и стремившаяся къ непосредственному чувству.

Толстой говоритъ про него:

«Каждое слово и каждое дѣйствіе у него были проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь; но жизнь его, какъ Платонъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь».

«Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ, но слова и дѣйствія выливались изъ него такъ же равномерно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова».

Правда жизни и безропотность — вотъ что всегда чувствовалось въ немъ. Непосредственность и «спорность» рѣчи дѣйствовали непосредственно. Манера говорить прибаутками и народными изреченіями дѣлали его рѣчь мудрой и убѣдительною. Даже самыя простыя событія приобрѣтали въ его передачѣ характеръ «торжественнаго благообразія». Исключитель-

ныхъ привязанностей у него никогда не было: онъ любилъ всѣхъ и все и не огорчался разлукою съ тѣми лицами, къ которымъ чувствовалъ свою «ласковую нѣжность».

Прослуживъ довольно долго въ солдатахъ, онъ не утратилъ своего добродушія и любви ко всему крестьянскому. Крестьянинъ крѣпко сидѣлъ въ немъ. Излюбленною темою его разсказовъ былъ крестьянскій бытъ.

Часто, начиная что-нибудь разсказывать (говорить онъ любилъ и говорилъ очень хорошо), Платонъ не зналъ, чѣмъ окончить, и порою не могъ повторить только-что сказанное.

Особою его любовью пользовался разсказъ про купца, несправедливо сосланнаго въ каторжныя работы; тутъ видѣнъ высшій, стоящій выше человѣческихъ условій, судъ надъ жизнью, вѣра въ высшій судъ и какой-то странный жизнерадостный пессимизмъ.

«Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то не хорошо, это не ладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулось, а вытащишь—ничего нѣтъ», — говоритъ Каратаевъ и, хотя зоветъ смерть Божьимъ прощеніемъ, все же думаетъ немало и о житейскомъ.

Типъ Платона Каратаева съ особенной тщательностью описанъ Л. Толстымъ.

Признаніе высшаго суда надъ жизнью и странный жизнерадостный пессимизмъ—эти одни изъ главныхъ привлекательныхъ свойствъ русской природы—вездѣ особенно любовно отмѣчаются Л. Толстымъ въ своихъ герояхъ. Эти же черты проведены и въ Платонѣ Каратаевѣ.

Козловскій, С. А. Рѣшенія ариомет. задачъ (2891—3390) А. Малинина и К. Буренина. Ч. III. Ц. 1 р.

Его-же. Рѣшенія ариомет. задачъ (3391—3814) А. Малинина. и К. Буренина. Ч. IV. Ц. 1 р.

Его-же. Рѣшенія геометрическихъ задачъ В. П. Минина. Вып. I. Ц. 60 к. Вып. II. Ц. 1 р.

Каганъ, Ш. Е. Рѣшенія и объясн. всѣхъ 296 стереометрическ. и планиметр. задачъ И. Рыбкина. Ц. 1 р.

Ольгинъ, П. Рѣшенія ариомет. задачъ В. А. Евтушевскаго къ I ч. Ц. 30 к.

Родныхъ, А. Формулы по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Ц. 40 к.

Шмулевичъ. Дополненія къ курсу алгебры, требуемыя программами конкурсныхъ экзаменовъ. Изд. II. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ч. I. Тригонометрія. Изд. IV. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ спеціальныхъ высшихъ учебн. завед. Ч. II. Алгебра. Изд. III. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ч. III. Геометрія. Изд. II, 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.

Его-же. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ въ спеціальныхъ высшихъ учебн. заведеніяхъ. Ч. IV. Физика. Изд. 1904 г. Ц. 1 р.

Его-же. Курсъ теоретической ариометики въ объемѣ программъ вступительныхъ экзаменовъ въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 1903 г. Ц. 75 к.

Его-же. Ковспектъ для повторенія курса физики. Изд. 1904 г. Ц. 60 к.

Пособія по русскому языку:

Р. Т. Сочиненія на темы по русскому яз. Вып. I. Ц. 45 к.

Р. Т. Сочиненія на темы по русскому яз. Вып. II. Ц. 65 к.

Бродовскій, М. М. Руководство къ сочиненію прозаическ. и стихотворн. 2-е изд. Ц. 60 к.

Данскій, В. М. Сочиненія на темы по русск. яз. Ц. 60 к.

С. Р. М. Сочиненія на темы по русскому яз. Ц. 1 р.

Григорьевъ, Н. Г. Сопутникъ гимназиста. Пособіе при изученіи русской словесности. Ц. 1 р.

Разборъ русскихъ классиковъ:

Разборъ «Войны и Мира», графа Л. Н. Толстого. Характеристики участвующихъ лицъ. Ц. 30 к.

Разборъ «Анны Карениной», графа Л. Н. Толстого. Характеристики участвующихъ лицъ. (Печатается).

Разборъ «Князя Серебрянаго», Ал. Толстого. Характеристики участвующихъ лицъ. (Печатается).

Разборъ «Дворянскаго гнѣзда», Тургенева. Характеристики участвующихъ лицъ. (Готовится къ печати).

Разборъ «Нови», Тургенева. Характеристики участвующихъ лицъ. (Готовится къ печати).

Разборъ «Дыма», Тургенева. Характеристики участвующихъ лицъ. (Готовится къ печати).

АКС. «Книжное Дѣло». Томъ I. Весьма полезное руководство для гг. книжниковъ, бібліотечарей и завѣдующихъ продажей книгъ и учебниковъ при учебныхъ заведеніяхъ. Книга знакомитъ положительно со всѣми особенностями и отраслями книжной торговли. Ц. 2 р.
